

После вторичной чайной встречи жизнь Вэнь Цинлиня превратилась в сплошную круговерть: пришла пора готовиться ко второй за этот год персональной выставке.

Свое самое первое соло-шоу, ещё в год выпуска из магистратуры, он устроил в уютной частной галерее, успевшей составить себе имя в арт-среде. Но со второго года все его экспозиции неизменно принимал Художественный музей Хайчэна.

Впрочем, даже на знакомой площадке каждая экспозиция требовала проработки с нуля: менялась концепция, а вместе с ней — весь подход. На этот раз Вэнь Цинлинь замахнулся на тему «Кибер-живопись». Ход был дерзким и нетривиальным — писать традиционной тушью футуристические сюжеты в стиле сайберпанка, сводя воедино два абсолютных полюса.

Всё оформление залов должно было перекликаться с этой идеей, чтобы погрузить посетителей в атмосферу с головой. К счастью, у Цинлиня давно работала собственная студия с вышколенной командой кураторов, так что тащить всё на себе не приходилось. Правда, сам он отличался вьедливостью и высочайшими требованиями. Как говаривал Тун Нин: «Все вы, великие творцы, сплошные зануды и привереды». Команда готовила первичный проект, согласовывала с ним каждую мелочь, вносила правки — и так по кругу, пока Вэнь Цинлинь не оставался полностью доволен.

Помимо этого, на плечи художника легла отборка и систематизация полотен. Дело осложнялось тем, что большинство работ в этом стиле рождались на волне сиюминутного вдохновения: написал, поймал кайф — и готово. Но для полноценной выставки каждой картине требовалось дать название, составить аннотацию, сформулировать концепт...

Вэнь Цинлинь был свято убеждён: нет на свете лучшего убийцы сексуального влечения, чем работа. Ничего её в этом не превзойдёт. С головой уйдя в дела, он не то что дразнить Шэнь Тинюаня перестал — у них даже частота близости стремительно рухнула.

Вэнь Цинлинь теперь регулярно засиживался до глубокой ночи. Однако кое-что его слегка удивило: педантичный Шэнь Тинюань, всегда живший по строгому расписанию, в последнее время тоже стал ложиться куда позже обычного.

Обнаружил это Цинлинь совершенно случайно. Как-то ночью, забрав все три варианта оформления фоновых стен, предложенные кураторами, он взялся переделывать их сам — и провозился до двух часов ночи.

Размяв затекшую шею, он устало вздохнул и пошел на кухню за водой. Но едва перешагнул порог мастерской, как взгляд уперся в двери расположенного напротив кабинета. Дверь была приоткрыта, внутри горел свет, а Шэнь Тинюань сидел за письменным столом, погруженный в какие-то поздние дела.

Сначала Цинлинь решил, что у генерального директора Шэня просто навалилась срочная работа. Однако в течение всей следующей недели история повторялась: всякий раз, выходя из мастерской глухой ночью, он заставал мужа в кабинете.

Тот... занимался каллиграфией!

Дома Шэнь Тинюань тоже предпочитал рубашки, но менее строгие — например, иссиня-черную с округлым итонским воротничком. Эта мягкая линия сглаживала резкие, чересчур строгие черты его лица. В теплом, умеренном свете лампы, с кистью в руках над листом рисовой бумаги, с безупречно прямой спиной, он выглядел невероятно утонченным, будто воплощая в себе древнее, умиротворенное благородство.

Вэнь Цинлинь прислонился к дверному косяку и, постояв так пару секунд, тихо усмехнулся:

— Генеральный директор Шэнь, отчего же вы не спите в такой час, а выводите иероглифы?

Шэнь Тинюань поднял взгляд. Его обычно темные глаза в мягком свете лампы казались совсем теплыми. Чуть сжав губы, он ответил вполголоса:

— Не спится.

Вэнь Цинлинь не стал допытываться о причинах бессонницы: в конце концов, взрослые люди редко спят так же беззаботно, как в юности. Он лишь между делом поинтересовался:

— И что же вы пишете? Древнюю поэзию?

Традиционная каллиграфия ведь так гармонировала со старинными стихами. Однако Шэнь Тинюань ненадолго задумался и возразил:

— Нет. Современную.

— О? — Вэнь Цинлинь изогнул бровь, проникаясь любопытством. — Например?

На этот раз Шэнь Тинюань ответил не сразу. На кратчайшее мгновение Вэнь Цинлиню показалось, будто в его взгляде проскользнуло нечто сложное, не поддающееся объяснению. Но не успел он вдуматься, как Шэнь Тинюань опустил глаза и мягко процитировал:

— Например: «Я хочу сделать с тобой то, что весна делает с вишневыми деревьями».

Он произнес эти строки — нет, эту откровенную любовную признательность — с той же ровной, бархатистой интонацией, словно ничуть не смущаясь их явного подтекста.

Вэнь Цинлинь слегка опешил и машинально уточнил:

— Неруда?

К поэзии он обращался редко: изящным метафорам предпочитал вещи, способные дарить более яркие, непосредственные ощущения. Но эта строчка была слишком известной, чтобы её не узнать.

Шэнь Тинюань лишь тихо подтвердил:

— Угу.

— Надо же, не знал, что в господине Шэне живет романтик, — со смешком отшутился Вэнь Цинлинь.

Шэнь Тинюань никак на это не отреагировал.

Вэнь Цинлинь даже не подозревал, что, выписывая на рисовой бумаге страстные строки, Шэнь Тинюань каждый раз предварял их одним и тем же именем: «Вэнь Цинлинь».

«Вэнь Цинлинь, я хочу сделать с тобой то, что весна делает с вишневыми деревьями».

Точно так же Цинлинь не догадывался, что полуночные занятия каллиграфией были для Шэнь Тинюаня единственным способом побыть рядом с ним. Пусть их разделяло тяжелое полотно двери мастерской, пусть Тинюань не видел его и мог лишь довольствоваться тонкой полоской света под дверью — они бодрствовали вместе.

Вэнь Цинлинь смог перевести дух только полмесяца спустя. Предвыставочные хлопоты были завершены на девяносто процентов, оставались лишь мелкие штрихи. Если всё пойдет гладко, за завтрашний день они закончат уборку, а уже через три дня двери музея распахнутся для посетителей.

Обойдя залы вместе с Тун Нином, Цинлинь набросал список мелких правок и отправил его кураторской группе.

— Слушай, тут неподалеку открылся новый французский ресторан, говорят, пальчики оближешь. Пойдём поужинаем? — предложил Тун Нин.

Вэнь Цинлинь замешкался. Вместо ответа он разблокировал телефон и быстро набрал сообщение Шэнь Тинюаню:

«Приедешь вечером домой поужинать?»

Ответ прилетел мгновенно:

«Да. Учитель Вэнь, подожди меня. Что бы ты хотел съесть? Я забронирую столик или закажу доставку».

Вэнь Цинлинь чуть улыбнулся и отправил короткое:

«Французскую кухню».

Погасив экран и встретив недоуменный взгляд Тун Нина, Цинлинь с улыбкой ответил:

— Прости, у меня ужин с мужем.

Он специально прибег к той же формулировке, которой не так давно отшил второго молодого господина Чжоу. Тун Нин закатил глаза и шутливо выругался:

— Да ну тебя! Засунь свою романтику знаешь куда? Я эту мишуру на дух не переношу!

Вэнь Цинлинь лишь рассмеялся. Попрощавшись с приятелем, он поехал домой. Настроение всю дорогу оставалось приподнятым. Разумеется, ни о какой показной нежности, о которой трындел Тун Нин, речи не шло — Цинлинь прекрасно понимал, что их отношения с Шэнь Тинюанем далеки от романтической идиллии. Просто вынырнув из затяжного аврала, он захотел простых радостей: поужинать с мужем, заигрываяще подразнить его под хорошую обстановку и вполне закономерно переключиться на супружеский долг.

Вот только идеальный план дал небольшую трещину...

Ужин прошёл на ура. Шэнь Тинюань выписал блюда из отличного заведения, так что кулинарное исполнение оказалось безупречным. И пусть французская кухня уступала сычуаньской по части остроты чувств, Вэнь Цинлинь остался доволен.

Допив лобстеровый суп, Цинлинь отложил ложку и вытер уголки губ салфеткой. Посмотрев на Шэнь Тинюаня, который как раз откладывал приборы, он уже собрался произнести какую-нибудь двусмысленную фразу, как телефон в кармане несвоевременно запел.

Раздосадованно цыкнув, Вэнь Цинлинь бросил взгляд на экран: звонила девушка-куратор из музея. Пришлось ответить. Ленясь идти в мастерскую, он надел наушник прямо за столом.

Однако вместо стандартного отчета из динамика посыпались извинения:

— Простите, учитель Вэнь! Мне правда-правда очень жаль! Я сама только что получила

распоряжение... Скажите, мы не могли бы перенести вашу выставку на полмесяца?

Вэнь Цинлинь нахмурился и спросил в лоб:

— С какой стати?

У них всё готово. Какая причина для переноса?

Девушка на том конце провода, похоже, была его искренней поклонницей, поэтому всегда говорила с ним с особым пиететом, а сейчас и вовсе сбивалась с мысли от смущения и стыда. Выслушав кучу лепета с бесконечными «извините», Цинлинь кое-как уловил суть: в музей внезапно свалился некий «фотохудожник», отваливший дирекции кучу денег с ультиматумом устроить его персональную экспозицию уже через два дня. Вот только свободных залов в музее не имелось. Единственным вариантом оставался зал Вэнь Цинлиня, монтаж которого был практически закончен.

Богатый наглечик заявлял, что готов оплатить демонтаж чужой выставки, заезд своей, а потом — повторный монтаж экспозиции Цинлиня через полмесяца.

Вэнь Цинлинь от такой беспардонности потерял дар речи. Вымещать раздражение на девчонке-посреднике он не стал, лишь ровно произнес:

— Я понял. Мне нужно подумать, ответ дам завтра утром.

Сбросив звонок, Цинлинь сдвинул брови. Настроение испортилось.

Искать компромиссы он не собирался ни из субъективных, ни из объективных соображений. Во-первых, реклама уже прошла, и внезапный перенос вызовет волну недовольства публики. Цинлиню было плевать на чужое мнение, но становиться козлом отпущения из-за чужой дурости он не намеревался. Во-вторых, его собственная гордость не позволяла проглотить подобную оплеуху. За годы признания он привык к высокому статусу, и въевшаяся в кости спесь талантливого человека бунтовала против бесцеремонного хамства.

— Учитель Вэнь? — Голос Шэнь Тинюаня, пропитанный тихой тревогой, вернул его к реальности. — Что-то произошло с выставкой?

Вэнь Цинлинь качнул головой:

— Ничего страшного... — Он поднялся из-за стола: — Сделаю один звонок.

Он прошёл в гостиную и опустился на диван. Дело действительно не стоило выеденного яйца, и если бы он ушёл прятаться в мастерскую, это лишь спровоцировало бы у Шэнь Тинюаня

лишние подозрения.

Цинлинь набрал номер Тун Нина.

— О, Великий художник Вэнь! Снова звонишь, чтобы завалить меня своими любовными бреднями? — тут же раздалось в трубке.

Игнорируя подколки, Вэнь Цинлинь сухо и коротко изложил суть дела.

Тун Нин мгновенно сменил тон на деловой и пообещал всё разузнать. В кругах золотой молодёжи Хайчэна у него были отличные связи, поэтому не прошло и десяти минут, как он перезвонил.

— Чёрт, я выяснил! Это Второй молодой господин Чжан, мажор хренов! Тоже мне, «фотохудожник», блин! Да его снимки только в утиль смывать! — с ходу разразился руганью Тун Нин. — Говорят, он какому-то корешу в споре проиграл, вот и вбил себе в башку устроить персональную выставку через два дня. Вот же уроды охреневшие!

Комментировать бредни богатых отпрысков Вэнь Цинлинь не стал, спросив главное:

— Ты с ним в нормальных отношениях?

Если они знакомы, договориться будет проще.

— Ну... знаем друг друга в лицо, но даже парой слов не перебрасывались, — сконфуженно убавил спесь Тун Нин. — Я же не со всеми подряд вась-вась...

Хайчэн — город огней и денег, мажоров здесь хватало, и кланы четко делились на «своих» и «чужих».

— Но я всё равно всё улажу! — тут же пошел на попятную Тун Нин. — Сам с ним не вась-вась, так найду того, кто с ним на короткой ноге!

— Надеюсь на тебя, босс Тун, — спокойно откликнулся Вэнь Цинлинь и, подумав, добавил: — Если закроешь вопрос, выручка за мою следующую картину в твоей галерее целиком твоя.

— Да ты сдурел, Великий художник? — ахнул Тун Нин. — Мы десять лет знакомы, я тебе и без куша помогу! Нахрена такие жертвы?

Полотна Вэнь Цинлиня сейчас стоили целое состояние. За годы дружбы Тун Нин так и не привык к этой его гипертрофированной принципиальности: Цинлинь органически не

переносил оставаться перед кем-либо в долгу.

Вэнь Цинлинь лишь тихо усмехнулся:

— В общем, рассчитываю на тебя.

— Сделаю всё в лучшем виде! — отчеканил Тун Нин, но тут же понизил голос: — Слушай, учитель Вэнь, только без обид... В этой ситуации подергать за ниточки своего муженька было бы в сто раз эффективнее.

Цинлинь на мгновение замер. Переведя взгляд на столовую, он видел лишь прямую спину Шэнь Тинюаня. Что тот делал и какое выражение лица сохранял, оставалось скрыто.

Смысл слов Тун Нина был очевиден: и он, и этот Второй молодой господин Чжан принадлежали к одному кругу избалованных наследников. Даже если Тун Нин выйдет на него через третьих лиц, тот вполне мог выставить их за дверь.

Шэнь Тинюань — совсем другое дело. Пока его сверстники проедали родительские деньги, господин Шэнь на равных вел дела с их отцами. Корпорация «Шэньюй» являлась гигантом, с которым никто в здравом уме не стал бы портить отношения. Второй молодой господин Чжан мог чихать на просьбы Тун Нина, но перед Шэнь Тинюанем не посмел бы и рта открыть.

И всё же...

— Забей, — улыбнулся Вэнь Цинлинь. — Я предпочитаю сохранять с ним исключительно чистые супружеские отношения.

Разумеется, под «чистыми супружескими отношениями» он подразумевал обоюдное удовлетворение плотских потребностей. Заходить дальше он не планировал. И уж тем более не хотел влезать перед Шэнь Тинюанем в неоплатные долги.

Тун Нин мало что понял из этого туманного захода, но настаивать не стал, пообещав сделать всё возможное.

Едва Цинлинь заблокировал экран, как заметил идущего к нему Шэнь Тинюаня. Слышал ли тот разговор и сколько именно уловил, Цинлиня не особо волновало. Он уже собрался сказать что-то непринужденное, но Шэнь Тинюань остановился прямо перед ним и, глядя сверху вниз, тихо спросил:

— Учитель Вэнь, я могу чем-то помочь?

— Нет, — без тени сомнений качнул головой Вэнь Цинлинь. — Пустяки, я сам справлюсь.

Категоричный отказ не оставлял шансов на возражения. Губы Шэнь Тинюаня сжались, а желваки на скулах едва заметно дернулись. Помолчав, он произнес:

— Я приберу со стола.

Развернувшись, он ушел в столовую и стал загружать посуду в посудомоечную машину.

Шэнь Тинюань ощущал, как закипает глухое раздражение. Обрывки чужого разговора складывались в четкую картину. Разумом он понимал, почему Вэнь Цинлинь отверг его помощь: их брак оставался лишь формальностью. Это была затяжная война без гарантии на победу, и Шэнь Тинюань прекрасно знал условия.

Но чувства взяли верх. Въевшееся в кровь стремление единолично обладать Вэнь Цинлинем не давало смириться с давней правдой. С какой стати Цинлинь просит помощи у кого-то чужого, если решение проблемы стоит прямо перед ним? Пальцы, сжимавшие край фарфоровой пиалы, побелели от напряжения. Зажмурившись на секунду, Шэнь Тинюань отставил посуду, достал телефон и набрал сообщение Хэ Цяню.

Вэнь Цинлинь вальяжно развалился на диване, размышляя о странном поведении мужа. Похоже, тот обиделся? Цинлинь мог его понять: Шэнь Тинюань всегда отличался гиперответственностью. Впрочем, оправдываться или уступать Цинлинь не намеревался. А вот сгладить углы и приласкать — запросто. Тем более что желание никуда не исчезло, и глупый инцидент с экспозицией не испортил ему настроения.

Все проблемы, имеющие решение, Цинлинь считал сущими пустяками, не стоящими переживаний — иначе он давным-давно свихнулся бы. Едва Шэнь Тинюань показался из кухни, художник забыл о неприятностях. Закинув голову и лукаво приподняв уголки губ, он протянул:

— Генеральный директор Шэнь, а ведь кое в чём мне действительно нужна твоя помощь.

Шэнь Тинюань замер. Интуиция подсказывала ему подвох.

— В чём? — хрипло выдохнул он.

Вэнь Цинлинь игриво хлопнул ресницами и прошептал:

— Помнишь ту строчку из Неруды, что ты выводил ночью? То, что весна делает с вишневыми деревьями... Сделаем?

Его голос звучал низко, с откровенной хрипотцой, а взгляд буквально въедался в душу.

Заметив, как потемнели глаза Шэнь Тинюаня, Вэнь Цинлинь ухмыльнулся ещё откровеннее. Он

медленно вытянул ногу и кончиком босой ступни ткнулся в чужую голень. Почувствовав, как мгновенно окаменели мышцы мужа, Цинлинь, подобно искусной сирене, манящей на скалы, бархатным шепотом закончил:

— Прямо здесь...

<http://bllate.org/book/20550/2119115>